Богачёв И.А., Абрамов М.А.
*Саратовский военный институт внутренних войск
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Саратов, Россия*

doi: 10.18411/lj2016-3-47

М.Ю. Лермонтов и Н.Ф. Фёдоров: к вопросу идейной преемственности

Аннотация

В статье анализируется идейная общность творчества М.Ю. Лермонтова и философии Н.Ф. Фёдорова. Делается вывод, что это, прежде всего, идеи, воспринятые Н.Ф. Фёдоровым от отечественных мыслителей-славянофилов, а славянофилами, - от Ф.В.Й. Шеллинга и от самого М.Ю. Лермонтова.

Abstract

The article analyzes the ideological concepts of creativity M.Ju. Lermontov and philosophy N.F. Fjodorov. It is concluded that it is, above all, the ideas perceived N.F. Fjodorov from Russian thinkers of the slavophiles and so slavophiles - from F.V.J. Shelling and M.Ju. Lermontov.

Между 2014 и 2016 годами располагается временной отрезок, разделяющий двухсотлетний юбилей М.Ю. Лермонтова и 175-летие его трагической гибели. В связи с этими памятными датами высказывается множество противоречивых трактовок наследия и личности великого поэта. Поэтому, закономерно стремление найти среди мнений современников Лермонтова такие взгляды, на которые мы можем опираться в формировании нашего видения жизни и творчества гения.

В палитре оценок М.Ю. Лермонтова взгляд Н.Ф. Фёдорова на деятельность поэта имеет особое значение: это взгляд исключительно глубокий, с позиций предельно возвышенных (в лучшем смысле этого слова) и вместе с тем очень конкретно-ясных и полных нравственных идеалов. С учётом этого мы вправе ожидать, что фёдоровское восприятие Лермонтова точнее всего отражает сущность судьбы и достижений поэта (по крайней мере, на фоне прочих оценок современников), вместе с тем, неся в себе присущее именно оценкам современникам, чувство реальности оцениваемых фактов, их живой сопричастности настоящему.

Попытаемся отыскать в творчестве Лермонтова те идейные мотивы, которые побудили довольно сдержанного в отношении положительных оценок и не всегда умеренного в критике Н.Ф. Фёдорова проявить по сути комплиментарную, внимательную и осторожную позицию при рассмотрении личности и творчества поэта.

Идейных мотивов, схожих с фёдоровскими, следовало бы ожидать, прежде всего, в тех стихотворениях Лермонтова, которые могут быть отнесены к линии, которую можно без преувеличения назвать «славянофильской» (или, если точнее, предславянофильской) канвой его поэтических размышлений. Если мотивы, позже ставшие характерными для деятельности славянофилов, звучали в творчестве Лермонтова с ранней юности (1830 г. - «Бард», совершенно определённо - «Умиравший гладиатор», 1836 г.), то стихотворение 1838 года «Дума» - не только дальнейшая конкретизация «славянофильских» идей поэта, но и переброс идейного мостика от шеллингианства и славянофильства – к телеологической и деонтологической проблематике. Высказывания Н.Ф. Фёдорова, в этой связи, очень точно подходят в качестве ответов на лермонтовские вопросы, завуалированно содержащиеся в этом стихотворении. В нём в афористической форме выражена одна из основных проблем, решаемых отечественной мыслью (в частности, в трудах И.В. Киреевского и Н.Ф. Фёдорова) – отрыв теоретического разума от практического, как следствие

отсутствия достойных целей человеческого существования. Причина создавшегося положения, по Лермонтову – «пир на празднике чужом», развитие России по чуждому пути вследствие «ошибок отцов». То есть, видение причин проблем современной ему России, а, следовательно, как мы можем предположить, и путей их разрешения, - у Лермонтова вполне славянофильское. Однако, до начала формулировки подобных идей основоположниками славянофильства (в конце 1840-х гг.) тогда, когда писалось это стихотворение, оставались ещё многие годы – приблизительно десятилетие. Притом, следует отметить, что лермонтовские идеи выражены в стихотворениях совершенно определённо и афористично, а для этого они должны были ещё и созреть. Если мы вспомним славянофильское звучание стихотворения 1830 г. «Песнь барда», то смело можно утверждать, что Лермонтов выражал в своём творчестве такие мысли, каких в то время не выражал никто, опережая своих современников на 15-20 и более лет! Несмотря на знакомство Лермонтова с одним из лидеров славянофилов – Ю.Ф. Самариным, мы с большими основаниями можем предположить влияние старшего по возрасту Лермонтова на Самарина, чем влияние Самарина на Лермонтова. Таким образом, в основании славянофильства находились лермонтовские идеи, и его представители могли по праву гордиться тем, что причастны к «гением начатому труду». Несомненно, что мотивы, созвучные с идеями зарождающегося славянофильского направления звучат в стихотворениях Лермонтова «Умиравший гладиатор», «Последнее новоселье», «Родина».

В стихотворении «Последнее новоселье» Лермонтов выступает как прямой продолжатель последней тенденции пушкинского творчества, проявившейся в «Истории Пугачёвского бунта» и в поэме «Медный всадник», а именно – антиреволюционной тенденции (присущей также и творчеству Н.Ф. Фёдорова). Вспомним здесь стихотворение. – Лермонтова «Экспромт» написанное поэтом в 1841 г. в адрес его будущих убийц:

Им жизнь нужна моя, — ну, что же, пусть возьмут,
Не мне жалеть о ней!
В наследие они одно приобретут —
Клуб ядовитых змей.

Вполне можно понять это стихотворение метафорически и увидеть в «ядовитых змеях», обещанных поэтом его убийцам, революционеров, которые, притом, могли бы выбрать иную участь под влиянием лермонтовского творчества...

Размышления о путях Отечества – не единственная тенденция лермонтовского творчества последних лет. В стихотворении «Журналист, читатель и писатель» звучит мысль о социально-гражданской и нравственной ответственности творца за содержание своих произведений, и эта позиция по своей идейной зрелости значительно опережает позицию «искусства для искусства», свойственную А.С. Пушкину и Ф.И. Тютчеву. Что же касается стихотворения «Дума», то это практически конспективное изложение некоторых из идей, позднее разрабатывавшихся в философии Н.Ф. Фёдорова, исходя из чего, поэт и мыслитель предстают как *единомышленники*. Несомненно, что лермонтовская лира не могла оставить Фёдорова равнодушным. Отношение Н.Ф. Фёдорова к личности М.Ю. Лермонтова проясняет и некоторое сходство жизненных дорог, а также совпадение путей мысли и чувства двух гениев.

В идейном плане, Лермонтов был близок Фёдорову ещё и тем, что в отличие от Пушкина, занимавшего отстранённую позицию в отношении решения поэзией острых социальных вопросов (утверждая самоценность искусства), усматривал в поэзии мощное идейное средство мобилизации людей для деятельного преобразования мира (что особенно ярко проявилось в стихотворении «Поэт» 1838 г.). Лермонтовское же стихотворение «Смерть поэта» фактически пронизано идеей «скрытого убийства», которую позже сформулировал и развил Н.Ф. Фёдоров. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что Лермонтов в восприятии Фёдорова – это не только

единомышленник, но и *соратник*, заплативший цену преждевременной гибели за те уроки судьбы, которые смогли учесть пришедшие за ним.

По сути дела, у 25-26 летнего Лермонтова звучат идеи, разработанные в ходе дальнейшего, примерно столетнего, развития русской философии! –Трудно предположить последствия усиления славянофильского течения русской мысли в 1840-е, 1850-е и 1860-е годы такими гениальными мыслителями, быстро проникавшими в суть явлений и афористично формулировавшими свои идеи, какими являлись Лермонтов и Пушкин, но попытаемся это сделать. Можно было бы отрицать возможность такого развития событий с позиций крайнего детерминизма, но эта позиция, означает, вместе с тем, отрицание свободы воли, то есть, - отрицание очевидного, и, по сути, препятствует корректировке поведения с учётом уроков истории (поскольку если всё «детерминированно», то и вообще учиться бессмысленно).

Если же пойти ещё дальше в плане моделирования событий прошлого по «оптимистическому сценарию», то Лермонтова можно представить себе не только в качестве популяризатора идей Фёдорова, но и в качестве его со-творца. Хотя, разумеется, трудно представить себе социальное учение, которое могла создать совместная работа двух гениев: с одной стороны, гения художественного слова и беспощадного критического анализа, а, с другой, гения высочайших нравственных прозрений и стройного идейного синтеза. Здесь следует подчеркнуть тот момент, что для учения Н.Ф. Фёдорова была свойственна идея регулируемого развития общества (включая экономическую сферу), присущая также социалистическим учениям. Однако при этом решающее значение отводилось достижению такого нравственного уровня, который позволял бы обществу вступить на этот путь добровольно, благодаря естественно-эволюционному развитию. Фёдоровское учение принципиально антиреволюционно, а начатки такой антиреволюционности прослеживаются и у позднего Лермонтова (стихотворение «Последнее новоселье»). Кроме того, основывалось учение Фёдорова на отечественной культурной традиции, и не

было механическим перенесением чужого опыта на российскую почву в отличие от анархизма и марксизма и даже от революционного народничества (идейную основу которого в значительной мере составлял позитивизм О. Конта).

Итак, изменение содержания лирики Пушкина и Лермонтова оставляет надежду, что со временем эти поэты могли бы дать русской культуре положительную альтернативу её развития по марксистско-ленинскому сценарию. Да и, надо сказать, что даже отрицательная критика марксистского и других социалистических учений, своевременная и адекватная современным реалиям, практически не была дана в царской России (если не считать отдельных высказываний Н.Ф. Фёдорова, оставшихся неизвестными широкому читателю). Для того же, чтобы такая критика могла быть дана, феодально-теократическую ограниченность отечественного мировоззрения той эпохи следовало бы решительным образом преодолеть. Это было тем более необходимо, что мировоззрение России 2-й пол. XIX в., в лице его образованных представителей, как правило, затруднялось даже адекватно определить те идейные явления, с которым сталкивалось (такие как марксизм, позитивизм, анархизм, эволюционизм Ч. Дарвина и Г. Спенсера). Тем более, в такой ситуации было невозможным опережение уровня иностранных критиков России.

Притом, в творчестве и Пушкина и Лермонтова, как это было показано выше, можно проследить определённые начатки критики революционных идеологий в целом, и, что важнее, в творчестве Лермонтова намечается выработка альтернативных путей развития страны. Это означает, что Россия и весь мир могли бы развиваться по пути, когда лучшее новое строится на фундаменте лучшего в прошлом, и не противопоставляется ему, а цели развития не противопоставляются его средствам (согласно научному принципу детерминизма). Строительство же лучшего общества могло протекать без тех ошибок и просчётов, которые, в конечном счёте, превратили поступательное развитие СССР в движение по порочному кругу и привели к откату назад конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда всерьёз пропагандировалась идея, что

«рыночная стихия всё наладит» (меж тем как езда на автомобиле с отпущенным рулём ещё никого до добра не доводила). Содержание творчества А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова наводит на мысль о возможности мирного сочетания таких преимуществ социализма как регулируемая экономика и социальные гарантии с традиционными для России православно-монархическими ценностями. Такая тенденция достаточно чётко просматривается в славянофильстве с его идеями общинности и соборности при несомненном дефиците идейной широты, а также определённости социальных целей и духовной мощи проповеди. Несомненно, что эта идейная тенденция могла бы быть значительно сильнее выражена Пушкиным и Лермонтовым, чем известными представителями славянофильства, доживи они до споров славянофилов и западников 1840-х гг.

Для Фёдорова Лермонтов есть воодушевляющий пример человеческих возможностей. Не случайной представляется характеристика, данная Лермонтову Н.Ф. Фёдоровым: «Приняв во внимание годы, можно смело сказать, что едва ли кто более совершил военных подвигов, путешествий и столько написал, хотя не достиг возраста ни Ахилла, ни Александра, и дважды был изгнан, не говоря об изгнании из Университета. Его личность была поэтичней всех стихотворений. Россия в нем лишилась великого поэта и величайшего полководца»¹. Несомненно, что на протяжении своей жизни Лермонтов стремился управлять обстоятельствами своей судьбы, а не подчинялся им, подобно тому, как это делали многие великие люди. А.Л. Чижевский отмечает: «При изучении истории походов Александра Македонского, Юлия Цезаря, Карла Великого. Фридриха Великого, Наполеона и других знаменитых полководцев может показаться, что эти гениальные вожди умели поднимать свои и вражеские полки вне какой бы то ни было зависимости от напряженности в деятельности Солнца...»². Такое же впечатление складывается при изучении количественных показателей лермонтовской поэзии (в частности, динамики

¹ Фёдоров Н.Ф. Заметки о статье В.С. Соловьева «Лермонтов» // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4 томах. Том IV. М.: «Традиция», 1999. С. 88.

² Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М.: Мысль, 1995. С. 318.

числа стихотворений и строк в них), как правило, идущих вразрез с показателями электромагнитной активности Солнца – числами Вольфа (что отличает творчество М.Ю. Лермонтова от творчества А.С. Пушкина³). Итак, давая положительную оценку жизни Лермонтова, Фёдоров утверждает творческое дерзновение над унынием под маской смирения, свободу воли над детерминизмом, и, в конечном итоге, воскрешение – над искусственным погружением себя в состояние смерти при жизни, каковым является отчаяние.

³ Абрамов М.А., Волошинов А.В. Пушкин и законы симметрии // Человек. 1999. № 3. С. 75-86.

Литература:

1. Абрамов М.А., Волошинов А.В. Пушкин и законы симметрии // Человек. 1999. № 3. С. 75-86.
2. Ушанов Ю. 2014 – что нас ждет? <http://www.proza.ru/2013/06/29/1826>.
3. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М.: Мысль, 1995. С. 318.
4. Фёдоров Н.Ф. Заметки о статье В.С. Соловьева «Лермонтов» // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4 томах. Том IV. М.: «Традиция», 1999. С. 88.
5. Фёдоров Н.Ф. К вопросу о памятнике В.Н. Каразину (в соавт. с И.А. Борисовым) // Собрание сочинений: В 4-х тт. Том III. М.: «Традиция», 1997. С. 126.
6. Фёдоров Н.Ф. О Лермонтове (Заметки) // Собрание сочинений: В 4-х тт. Том III. М.: «Традиция», 1997. С. 528-529.